

— Гарри! Где ты был?

Гарри поднял глаза, шагая через отверстие для портрета, и увидел Рона, идущего по гостиной с обеспокоенным выражением лица. «Привет, Рон. Я как раз искал тебя».

«Ты искал меня? Я уже начал думать, не пойти ли мне, черт возьми, сказать МакГонагалл, что ты не спал в своей постели прошлой ночью».

— Я тронут, Рон, — ухмыльнулся Гарри своему другу. «Просто из любопытства, почему ты заглядывал в мою постель прошлой ночью?»

Рон швырнул диванной подушкой Гарри в лицо. — Придурок, — добродушно пожаловался он. — Почему ты вообще искал меня?

«Я был в больничном крыле и пообещал Дамблдору, что скажу вам, что они успешно исцелили Гермиону».

Челюсть Рона отвисла, и какое-то время он просто смотрел на Гарри. Покачивая головой, он, казалось, пришел в себя. — Честно говоря, я не знаю, стоит ли мне больше волноваться из-за того, что прошлой ночью ты каким-то образом оказался в больничном крыле, или из-за того, что ты согласился сделать что-то для Гермионы.

Гарри почувствовал, как дно выпало из живота. — Почему это так странно?

«Приятель, ты никогда не сказал девушке и двух слов. Черт, ты так избегал ее, что я удивлен, что ты вообще знаешь ее имя».

Гарри хотел возразить, но предупреждение, данное ему Дубовым королем, все еще звучало в его ушах. Я никак не могу заставить его поверить мне, и он может пострадать, если я попытаюсь. «Послушай, ты собираешься подняться туда и поддержать ее или нет? Она, наверное, уже проснулась и интересуется, где ты». Хотя и не там, где я.

«Черт возьми, приятель, не снимай штаны. Я уйду, но мы с тобой потом поговорим о том, почему ты вдруг так ею заинтересовался».

Гарри лишь устало отмахнулся. Чувствуя себя в свинцовых ботинках, он поднялся по лестнице в свою спальню, где Невилл, Симус и Дин готовились к новому дню. Он отвечал на их звонки ответами, которые не мог вспомнить, как только они покинули его рот и схватили его туалетные принадлежности, чтобы он мог спрятаться под душем. Чувствуя, как вода падает на его голову, Гарри не мог не чувствовать, что это был первый день в очень долгом остатке его жизни.

Вытирание себя вниз оказалось чем-то вроде терапевтического качества. Пока он сосредоточивался на движении своих рук, исключая все остальное, Гарри не приходилось сталкиваться с зияющей пропастью, которая грозила образоваться там, где была его дружба с Гермионой. Помогало то, что вода смывала пену так быстро, как он мог ее распределить.

К сожалению, этот метод отвлечения оказался далеко не совершенным, поскольку каждый раз, когда рука Гарри касалась шрама, оставленного Хвостом на его плече, он вспоминал, как Гермиона неустанно трудилась, чтобы научить его Заклинаниям Призыва. Когда он прошел по шраму, оставшемуся на его руке от клыка василиска, он вспомнил Гермиону, окаменевшую, лежащую в больничном крыле. В конце концов он поймал себя на том, что рассеянно потирает шрам на плече, глядя в никуда, его слезы и вода из душа текли вместе по его телу.

Признавшись себе, что давно уже помылся, Гарри расправил плечи и выключил душ. Ничего за это, но сделать все возможное, подумал он с мрачной решимостью. Он вытерся полотенцем, оделся и вышел в спальню, как солдат, направляющийся в бой. К счастью, его соседи по общежитию уже спустились на завтрак.

Спуск дал Гарри шанс собраться. Его встречи с Роном и Дамблдором уже послужили предупреждением о том, что люди сочтут странным, если он спросит о девушке, которую до сих пор считает своим лучшим другом. Интересно, что еще они помнят иначе? Я имею в виду, Гермиона была такой огромной частью моей жизни в Хогвартсе, и теперь...

Он предался меланхолическому вздоху, почти сразу пожалев об этом. Соберись, Поттер. Последнее, что вам нужно, это чтобы люди спрашивали вас, почему вы ведете себя угрюмым ублюдком. Тайком оглядывая коридор, Гарри был рад видеть, что никто не заметил его момент жалости к себе.

Ему удалось добраться до Большого Зала без дальнейших происшествий, и он сел за еду. Только когда он столкнулся с тарелками, полными еды, он понял, что на самом деле у него нет аппетита. С опытом, полученным в его первых матчах по квиддичу, Гарри заставил себя хотя бы положить на тарелку тост и откусить его.

Ему, наконец, удалось откусить половину куска, когда его внимание привлекли двери Большого зала. Он смотрел, как Рон и Гермиона шли бок о бок и болтали друг с другом. Они сели на значительном расстоянии от него.

Желудок Гарри так яростно сжался при виде этого зрелища, что даже у тоста в его руке больше не было шансов быть съеденным. Он уныло уронил кусок, который держал в руке, на тарелку и вышел из-за стола, ни с кем не сказав ни слова.

Тот завтрак создал зловещий прецедент. Куда бы он ни пошел в тот день, если Рон и Гермиона были там, они избегали его. «Цена, которую вы должны заплатить, — это та, которую вы цените больше всего». Гарри наконец начал понимать эти слова. У меня такое чувство, будто я наблюдаю какую-то ужасную пародию на собственную жизнь на расстоянии.

Он так отчаянно нуждался в развлечении, что даже появление МакГонагалл, чтобы сказать ему, что он должен посетить кабинет директора, было для него благословением. Гарри кивком согласился и последовал за своим деканом из портретной дыры.

Следуя за ней по коридорам Хогвартса, Гарри задавался вопросом, есть ли способ сказать МакГонагалл, что он может спуститься вниз один, и это не приведет к вычету баллов. Он даже подумывал о вычете очков в обмен на одиночество. С приближением Прощального Пира он знал, что в долгосрочной перспективе это бесполезно; Потеря очков в последний день, как правило, расстраивала остальную часть дома даже больше, чем обычно, и они обязательно выражали свое неудовольствие за ужином. Никто не будет лучше, чем один. Один все равно лучше многих.

Гарри был настолько поглощен своими размышлениями, что удивился, когда его учительница заговорила первой. «Мистер Поттер... я хочу сказать, что был очень удивлен, когда директор рассказал мне, что вы сделали для мисс Грейнджер. что ты зашел так далеко ради кого-то, с кем у тебя так мало связей... ты действительно образец того, что значит быть гриффиндорцем. Я не могу дать тебе большей похвалы, чем это».

— Спасибо, — сказал Гарри, не имея возможности сказать что-то более существенное и надеясь, что этот ответ убьет разговор, прежде чем он станет еще более болезненным. Кивок МакГонагалл, казалось, означал, что он преуспел и что теперь она считает тему закрытой.

Когда они добрались до горгульи, профессор МакГонагалл выкрикнула «карамельную паутину», из-за чего статуя отскочила в сторону. — Вставайте, мистер Поттер. Не заставляйте профессора Дамблдора ждать.

Гарри поднялся по вращающейся лестнице и обдумал тот факт, что МакГонагалл, по-видимому, не сказали, что Гарри уже знает пароль от кабинета. Это... интересно, я полагаю. Если Дамблдор даже не сказал МакГонагалл, что я здесь делаю, то почему он рассказал ей о том, что я вызвал Дубового Короля? Это должно означать... ну, это должно что-то значить.

Хотел бы я поговорить об этом с Гермионой.

Он отбросил эту мысль. Нет смысла желать того, чего я не могу иметь. Сосредоточься, Поттер. Давайте узнаем, чего хочет директор на этот раз. Гарри поднялся на последние несколько шагов, когда в поле зрения появилась дверь в кабинет Дамблдора, и в нее постучали.

"Войти!" раздался звонок изнутри. Гарри послушно толкнул дверь и вошел, закрыв ее за собой. — А, Гарри. Хорошо.

— Добрый день, сэр, — ответил Гарри, подходя к столу директора. — Ты хотел меня видеть?

— В самом деле, мой мальчик. Возможно, в последние несколько дней это ускользнуло от вас, но мы до сих пор оставили нерешенным вопрос о вашем летнем жилье.

«Честно говоря? Я думал, что просто сниму комнату в «Котелке», сэр, как и на третьем курсе», — пожал плечами Гарри.

Дамблдор медленно покачал головой. — Боюсь, это не годится. Ваше присутствие там наверняка подвергнет опасности Тома и его покровителей. Нет, я решил, что вы можете остаться здесь, в Хогвартсе, на лето.

Гарри не мог не заподозрить. «Я думал, что мы не можем этого сделать, потому что персоналу нужен отпуск?»

«Это действительно так, и мы не будем мешать этому. Я буду тем, кто останется здесь и присмотрит за тобой».

Гарри саркастически изогнул бровь. — Министерство не восстановило вас на ваших должностях?

Дамблдор только склонил голову в знак согласия. «Они этого не сделали. Я полагаю, что бедный Корнелиус был напуган до нерешительности, не желая увольнять меня или доверять мне».

Гарри не смог сдержать фырканье. «Чем эта неделя для него отличается от любой другой недели?»

Похоже, Дамблдор очень старался не улыбаться. — Хммм, — уклончиво промычал он, — по крайней мере, для тебя это будет светлая сторона, мой мальчик. Поскольку ты останешься в Хогвартсе, ты можешь считать себя освобожденным от Разумного ограничения на магию несовершеннолетних, пока ты в ней. Стены. Вы также можете продолжать просматривать мою библиотеку, но, пожалуйста, не читайте больше книг, для чтения которых вам нужны заклинания, если хотите. У меня недостаточно места в моей спальне, чтобы хранить все работы, которые могут доставить вам неприятности, если вы не согласны с этим».

А если я не соглашусь и ты не сможешь их хранить, меня не пустят сюда. «Хорошо. В любом случае, я не думаю, что столкнусь с чем-то отчаянным на каникулах».

— Надеюсь, что нет, — согласился Дамблдор, и его тон намекал на то, что он начал задумываться, в какой отчаянной ситуации может оказаться Гарри с книгами, которые он может читать. «Я также попрошу вас никому не делиться своими летними планами, если вы можете помочь. Нам бы хорошо, если бы ни слова об этом не дошли до Тома или его слуг, просто в качестве дополнительной меры предосторожности».

"Я понимаю." Кроме того, не похоже, чтобы кто-то на самом деле разговаривал со мной прямо сейчас.

Если не считать постоянного напоминания о том, что Гермиона никогда не вспомнит ничего из того, через что они прошли, Гарри не особо возражал против изоляции. Время, проведенное в Хогвартсе, научило его, что его сокурсники полностью забудут, что они чувствовали к нему в течение года, если это даст им шанс услышать хорошую историю, и часто беспокоили его очередным пересказом того, что с ним случилось. Со всем, что было связано с тем, что произошло двумя неделями ранее, Гарри был просто благодарен за то, что его не заставили пережить смерть Сириуса на публике вдобавок ко всему остальному. Он все еще чувствовал эту боль, если оставался один, но, по крайней мере, она не усугублялась болью от необходимости скрывать ее от других.

— Было что-нибудь еще, сэр?

— Не сейчас, Гарри. На самом деле, я считаю, что мы можем захотеть отправиться в Большой Зал на Прощальный Пир.

"Да сэр." Гарри последовал за своим директором по коридорам Хогвартса. Как только они вошли в Большой Зал, начался шепот, и Гарри понял, что это был первый раз, когда он вошел в комнату одновременно с директором с тех пор, как они рассказали историю о возвращении Волдеморта.

Изо всех сил стараясь не обращать внимания на взгляды, идущие в его сторону, Гарри подошел к столу Гриффиндора и обнаружил, что люди очень хотят освободить для него место. На самом деле, большинство, казалось, разрывались между желанием быть достаточно близко, чтобы смотреть, и недостаточно близко, чтобы уловить то безумие, которое Гарри носил с собой. «Ничем не отличается от общей комнаты», — едко подумал про себя Гарри.

Конечно же, несмотря на веселье Прощального Пира, Гарри чувствовал себя так, как будто он был в том же положении, в котором он находился большую часть лета в прошлом году: не в своей тарелке, напуганный и не с кем поговорить. Единственная разница заключалась в том, что он гораздо меньше стремился столкнуться с силами тьмы и доказать свою храбрость.

Двойные потери Сириуса и Гермионы уже были достаточно тяжелыми. Гарри не хотел знать, что еще он может потерять.

С этим угрюмым ходом мыслей, завладевшим его вниманием, вечер прошел как в тумане, и Гарри был благодарен, когда наконец смог задернуть за собой шторы своей кровати с балдахином. Он лег, заложив руки за голову, и устался на купол. Сон ускользнул от него, когда в его голове возник один сценарий того, как он проведет утро за другим.

Ни один из них не заставил его чувствовать себя хоть немного уверенно, когда он ворочался и ворочался, пока в конце концов его просто не настигло истощение.

:~::~~:::

На следующее утро Гарри участвовал в безумной схватке, в которой пять мальчиков-подростков пытались разобраться со своими вещами, слишком поздно оставив чемоданы. Одежда и книги были беспорядочно брошены в сундуки, а халаты были натянуты на головы, изо рта которых все еще торчали зубные щетки. Это все дым и зеркала, но, по крайней мере, другие не будут обсуждать, почему я, казалось, устраивался так, чтобы остаться в Хогвартсе с комфортом.

Пятеро мальчиков закончили вместе, как они делали каждый год, поскольку никто не был настолько уверен, что у них есть все свои вещи, что они уйдут на завтрак до того, как все пять сундуков будут заперты. В результате все они бросились помогать друг другу, даже забрасывая нижнее белье в нужные сундуки с сомнительно полезными для этой цели заклинаниями; заклинания, которые могут отправить нижнее белье в голову его владельцу так же, как они могут приземлить его в сундук.

Щелчок защелки на сундуке Невилла был сигналом того, что год действительно подходит к концу для пятиклассников. Смеясь и шутя, они вместе спустились вниз, обсуждая планы на отпуск и год, который у них только что был, хотя Симус и Дин в значительной степени усвоили, что Гарри откажется отвечать на любые вопросы о каком-либо головокружительном приключении, которое повлияло на финал. дни его учебного года. Это и любые разговоры о прощаниях, которые им вскоре придется сказать, были единственными темами, которых мальчики избегали по негласному согласию.

В Большом зале они сели напротив пятиклассниц, хотя ни один из мальчиков не признался бы публично, что это потому, что они будут скучать по женской половине своего класса почти так же сильно, как по однокурсникам. Лаванда и Парвати оглядывали Большой Зал со слезливыми улыбками, вспоминая приятные воспоминания, которые, казалось, в основном вращались вокруг межличностных отношений, о большинстве из которых Гарри даже не догадывался. Гермиона опустила голову и раскладывала еду по тарелке.

Гарри вспомнил, как они дразнили по этому поводу свою подругу на первом курсе, полагая, что она оплакивала грядущую разлуку с библиотекой Хогвартса. Они узнали, что Гермиона на самом деле обдумывала, что она скажет своим родителям. Если она пыталась спланировать свой разговор с ними только после того, что произошло на первом курсе, я удивлен, что она вообще привлекла внимание, чтобы раздуть свой тост после этого года.

Возможно, нет. Ведь это Гермиона.

Когда еда исчезла с их тарелок, сигнализируя об окончании их последнего завтрака в пятом классе, юные ведьмы и волшебники встали из-за стола и вышли из зала. Однако вместо того, чтобы направиться к лестнице, ведущей к их классам, они пересекли вестибюль и порог гигантских двойных дверей Хогвартса.

Гарри держал глаза открытыми, ожидая шанса ускользнуть. Это не было особенно трудно в

прессе студентов вокруг них. Быстрый толчок и шёпот Рону о том, уверен ли он, что с Гермионой всё в порядке, — вот и все, что потребовалось, чтобы единственный человек, который мог проверить, отвлекся ли Гарри.

Позволив своим одноклассникам ехать впереди, Гарри сделал испуганное лицо, как будто что-то забыл, и развернулся, направляясь обратно сквозь толпу студентов, толкающихся, чтобы сесть в вагоны. Он шагнул обратно в Большой Зал и, убедившись, что последние люди отфильтровались в Вестибюль и никто за ним не наблюдает, вытащил из кармана мантию-невидимку. Перекинув его через плечи, Гарри на мгновение замер, не зная, что делать дальше.

Внутри него вспыхнуло желание проводить своих друзей, но он не мог сделать этого из-за давления человечества снаружи, не сделав свой плащ бесполезным. Воспоминание всплыло из ночи катастрофы в Министерстве, и Гарри с целеустремленностью вышел из зала и, прижавшись к стене, направился к лестнице.

Ему потребовалось пятнадцать минут, чтобы подняться по лабиринту Хогвартса к Астрономической башне. Выйдя на зубчатые стены, Гарри ясно увидел столб пара, который отмечал место, где паровоз Хогвартс-экспресса ждал студентов, все еще слонявшихся внизу.

Несмотря на то, что на таком расстоянии это не имело большого значения, Гарри стянул мантию и засунул ее обратно в карман, не желая быть невидимым, прощаясь с друзьями.

Примерно через двадцать минут ветер донес до него слабый, пронзительный свист, и шлейф начал двигаться. Ярко-малиновый поезд стал отчетливо виден, когда он выехал из домов Хогсмита и, пытаясь, пронесся по окрестным холмам по пути в Лондон. Гарри смотрел, как он уезжает, солнечные лучи мерцают на полированных вагонах.

Гарри продолжал стоять на Астрономической башне, его глаза были прикованы к тому месту, где он в последний раз видел шлейф пара от Хогвартс-Экспресса, пока облако не рассеялось и в ландшафте не осталось ничего, что могло бы даже намекнуть на уход сотен волшебных подростков с этого места. Он задавался вопросом, заметил ли кто-нибудь, что он остался.

У Гермионы не будет.

Его сердце сжалось, как будто мышцу свело судорогой. Ты заключил сделку, Поттер, а теперь живи с этим, — пытался отругать себя Гарри. По крайней мере, у нее все еще есть Рон и Джинни.

Встряхнувшись, Гарри в последний раз взглянул на то место, где скрылись из виду его друзья. Пора на работу. Он развернулся и направился внутрь, полный решимости найти в кабинете директора новую книгу, которая поможет ему заставить Волдеморта заплатить за эту боль в груди.

:~::~~:::

— Гарри, я полагаю, что это уведомление имеет для тебя некоторое значение.

Гарри поднял глаза и увидел, что директор изучает его поверх очков-полумесяцев. Я не собираюсь ничего читать, пока не узнаю, о чем идет речь, во всяком случае, подумал про себя Гарри, отмечая страницу и откладывая книгу. Подойдя к столу, Дамблдор протянул письмо. Гарри принял кусок пергамента, пытаясь игнорировать предупреждение, пробежавшее по его спине.

Альбус,

Альбертс из офиса регистратора Magical только что вошел в мой кабинет. Он сказал, что у Блэка есть завещание, которое должно быть оформлено по закону! Что мне с этим делать?! Позвони мне, как только сможешь.

Корнелиус О. Фадж

Министр магии

Сердце Гарри сжалось, когда он прочитал имя Сириуса. Он сдерживал эмоции, как мог. Я могу разобраться с этим позже. — Что вы собираетесь ему сказать, сэр?

«Я как раз обдумывал именно этот вопрос. Поскольку я ожидаю, что вы будете основным бенефициаром, я счел правильным спросить вас, есть ли у вас какие-либо предпочтения».

Гарри покачал головой. — Я понятия не имею, что включает в себя завещание. Во всяком случае, я бы хотел, чтобы Министерство извинилось за то, что они сделали с Сириусом, но... — он замолчал, пожав плечами.

Дамблдор одарил его сочувствующим взглядом. «Как вы и догадались: у нас недостаточно политических рычагов воздействия, чтобы убедить Корнелиуса так себя унижить, особенно после того, как тело Сириуса было обнаружено среди обломков министерства».

— Тогда мне все равно. Гарри бросил пергамент обратно на стол и вернулся к своему стулу. Он взял свою книгу и открыл ее только для того, чтобы посмотреть на страницу, не прочитав на ней ни единого слова.

За щитом его книги на какое-то время было тихо, а потом Гарри услышал шорох тяжелого стула по каменным плитам, за которым последовал всплеск пламени, низкий стон и: «Министерство магии, кабинет министра».

Гарри показалось, что он слышит, как кто-то бормочет на другом конце каминной сети, и, судя по прерванным звукам, которые издавал Дамблдор, он не мог вставить ни слова. В конце

концов старик слегка повысил голос. «Корнелиус, мои колени уже не такие молодые, как когда-то. Ты будешь ужасно возражать, если мы продолжим этот разговор в твоём кабинете?»

Послышалось больше бормотания, за которым последовал ещё один низкий стон и громкий свист, после чего наступила тишина. Рискнув, Гарри украдкой просмотрел книгу и увидел, что он один в офисе. Закрыв книгу, он поставил её обратно на полку и вышел. Он не знал, куда направляется, но ему просто нужно было уйти от... Мне просто нужно уйти.

Гарри шел по коридорам, опустив голову, просто ища спасения, любой шанс оставить после себя воспоминания о смерти Сириуса. Ноги снова понесли его на вершину Астрономической башни. Стоя высоко на зубчатых стенах, он посмотрел вверх и понял, что хочет быть ещё выше; он хотел лететь и оставить свои заботы на земле.

— Accio Firebolt , — меланхолично пробормотал он. Через несколько мгновений его метла взлетела к нему, как верная птица, возвращающаяся к сокольнику. Поймав его, Гарри почувствовал короткую боль, когда вспомнил, что это подарок Сириуса. Отбросив эту мысль, он оседлал и прыгнул в воздух. В глубине души ему пришло в голову, что он потратил так много времени на подготовку к битве с Волдемортом, что ни разу не вылетел на метле с тех пор, как его одноклассники уехали домой на лето.

Гарри потерял себя, паря в небе, и продолжал идти, пока не смог больше игнорировать то, как непрекращающийся ветер пробирал холод в его кости. Сомневаясь, что он мог бы полностью доверять своей хватке, если бы не чувствовал её, Гарри приземлился обратно на башню, с которой взлетел. Не желая полностью отказываться от мира, который он чувствовал в небе, он остался на башне, наслаждаясь ветром.

Через некоторое время его покой был прерван знакомым голосом. — Я думал, что смогу найти тебя здесь.

Гарри не ответил и не оглянулся. Хотя он не думал, что директор уйдет, если его проигнорируют, он не был полностью готов отказаться от этой тактики, несмотря ни на что. Легкий шорох подсказал ему, что под его ногами на камнях появился стул, вероятно, со зловещим узором.

"Вы хотите услышать результаты моей встречи с Корнелиусом?"

Сделав глубокий вдох, Гарри обернулся и посмотрел на мужчину, сидящего перед ним. — Если ты проделал весь этот путь, я полагаю, это важно?

"Я очень верю, что это может быть."

«Хорошо. Ударь меня».

Дамблдор кивнул и сцепил пальцы. «Хорошо, я буду краток. Мое первоначальное предположение, что вы назначены первым наследником Сириуса, было верным. Ваше собственное, что Корнелиус не желает очищать имя Сириуса, даже посмертно, также было разочаровывающе точным. электорат, не проведя предварительно расследования, почему Сириус оставил бы вам все свое земное имущество, если бы он был вашим безжалостным охотником».

— Идиот, — тихо прорычал Гарри. — Он рассчитывает закончить это расследование в этом столетии?

«Хотя Корнелиус не доверился мне, я очень сомневаюсь, что мы увидим какие-либо результаты, пока он остается на своем посту», — согласился Дамблдор. «Я хотел бы обратить ваше внимание на вопрос, который, возможно, по понятным причинам ускользнул от вашего внимания...»

Гарри изогнул бровь, глядя на своего учителя.

«Среди мирских вещей, которые Сириус оставил вам, есть Гриммо-Плейс номер двенадцать».

«Ты хочешь продолжать использовать его для Ордена», — понял Гарри.

Дамблдор склонил голову. «Совершенно верно. Однако без разрешения домовладельца «Фиделиус» не протянет».

Гарри сразу же решил, что даст свое разрешение, хотя бы почтить память Сириуса, ткнув пальцем в нос Блэкам. Кроме того, что еще я собираюсь делать с домом, наполненным жуткими артефактами, опасными знаниями и сумасшедшим, фанатичным... «Кричером!» Имя вырвалось у Гарри злобным шипением.

Хлопок возле его колена вывел Гарри из ярости, пока он не увидел скрюченное существо, появившееся рядом с ним.

«Грязный полукровка зовет Кричера? Кричер не будет его обслуживать! Кричер не будет!»

"Молчи ! "

— Гарри, — с некоторым беспокойством заговорил Дамблдор, — мы должны помнить, что обращение Сириуса с Кикимером, вероятно, является одной из наиболее непосредственных причин его предательства. Это существо все еще может оказаться полезным для нас, если мы только сможем показать ему доброту и дайте ему шанс».

Однако Гарри был не в настроении успокаиваться. "Да неужели?" — усмехнулся он. — Тогда скажи мне, Кричер, как ты можешь помочь мне уничтожить Волдеморта?

«У Кричера медальон, который Мастер Регулус украл у Темного Лорда». Как только слова сорвались с его губ, скрюченные старые руки Кричера зажали ему рот, и его лицо побледнело. Не выходя из позы, старый эльф отскочил от Астрономической башни.

— Кричер, вернись сюда! — немедленно позвал Гарри. Секунду спустя эльф снова появился с хлопком, перепрыгивая с ноги на ногу, как будто ему нужно было в туалет. Гарри открыл рот и на мгновение остановился, чтобы повторить свою команду. — Кричер, принеси мне медальон, который Мастер Регулус украл у Темного Лорда.

Кричер издал мучительный вопль, прежде чем исчезнуть. Через несколько секунд он вернулся с золотой цепочкой, выпавшей из его руки. У Гарри было искушение потребовать, чтобы он отдал его, но он сдержал порыв. — Кричер, ответь мне честно. Мастер Регулус давал тебе какие-нибудь указания относительно этого медальона?

«Хозяин сказал Кикимеру уничтожить его. Мастер сказал Кикимеру никому не говорить об этом из семьи». Слова звучали так, словно их вытягивали из бедного старого эльфа.

Гарри был ошеломлен. Это совсем не похоже на то, что должен делать Пожиратель Смерти. — Почему он попросил тебя уничтожить его? Ты знаешь?

«Хозяин спросил Кричера, потому что Мастер умирал!» Кричер застонал, по его щекам катились крупные слезы. «Много лет назад Мастер привел Кричера в пещеру. Там было озеро, остров и чаша. Мастер выпил то, что было в чаше, и достал медальон. Мастер был слаб и хотел пить, и Мастер пил из озера. ходячие вышли из озера, и Мастер приказал Кикимеру взять медальон и уничтожить его. Мастер приказал Кикимеру никогда не говорить...»

Все остальное, что говорил старый эльф, было потеряно в рыданиях по его мертвому хозяину. Гарри почувствовал, как его сердце сжалось из-за жалкого существа перед ним. Он опустился на колени. — Кричер? Он ждал, пока эльф посмотрит на него. — Кричер, если этот медальон принадлежал Темному Лорду и его нужно уничтожить, я помогу тебе с этим.

Глаза Кричера расширились, словно он не мог поверить в то, что услышал. — Молодой господин поможет Кикимеру? Эльф боялся надеяться.

— Буду. Насколько смогу, — твердо пообещал Гарри. — Могу я взглянуть на медальон?

Кричер посмотрел на свой сжатый кулак. Он медленно протянул руку, пока, с видом, будто кто-то отрывает лейкопластырь, резко повернул руку и бросил медальон в ожидающую ладонь Гарри.

Медальон оказался тяжелее, чем Гарри ожидал. Он взял его за цепочку и позволил ему повиснуть, чтобы он мог рассмотреть все это целиком. Звук легкого вздоха позади него был настолько тихим, что менее подозрительные уши могли его не заметить. Гарри обернулся и увидел Дамблдора со спокойным, слегка любопытным выражением лица, которое почти

кричало на Гарри, что пожилой мужчина не делился какой-то важной информацией. «Вы знаете, что это такое». Это был не вопрос.

«Я не верю, что могу утверждать, что знаю, Гарри», возразил Дамблдор.

— Поиграй с семантикой для кого-нибудь еще, — прорычал Гарри. "Что ты знаешь?"

«Я не думаю, что это подходящее место, и костюм...»

«Хорошо. Мы сделаем это в твоём кабинете, но мы делаем это сейчас. Кричер, ты хочешь пойти с нами? Директор собирается рассказать нам, что это за штука, чтобы мы могли ее уничтожить».

— Кикимеру честь, молодой господин, — сказал эльф, поклонившись так низко, что его нос почти коснулся земли.

— Гарри, я не уверен, что это разумно, — запротестовал Дамблдор.

Гарри сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Если он был прав насчет Кричера, возможно, он прав. "Хорошо. Почему бы и нет?"

Дамблдор выглядел обеспокоенным. «Гарри, эти дела темные, очень темные. То, что ты знаешь, ты не можешь не знать, и, учитывая твои довольно рудиментарные познания в окклюменции и исчезновение оберегов крови, я бы предпочел, чтобы ты этого не знал. позаботиться о медальоне?»

Ярость захлестнула Гарри; ярость, порожденная болью, которую невольно причинил директор. Как ты можешь говорить, что люди не могут ничего не знать, когда Гермиона все забыла?! — Недостаточно хорошо, — прорычал он. «На случай, если вы пропустили это, директор: я должен встретиться с существом, которое сделало это!» Он брякнул медальоном перед лицом Дамблдора. «Как ты можешь говорить мне, что я должен встретиться с ним лицом к лицу, но не то, что он может использовать?!» Слова причиняли боль, как только они слетали с его губ. "Как?" — спросил он тише и отчаяннее, не зная, что именно он имел в виду.

Дамблдор вздохнул и потер лоб. Гарри видел, что его просьба возымела хоть какой-то эффект. — Очень хорошо, — наконец согласился старый волшебник. «Я расскажу вам о природе предмета, который вы держите, и о том, как, по моему мнению, он может быть уничтожен. Кричер может присоединиться к нам, если вы дадите ему команду, чтобы он никогда не повторял то, что слышит сегодня».

— Ты согласен с этим, Кричер? Гарри проверил, не желая принимать больше решений за кого-то другого, чем это было необходимо.

— Кричер, молодой господин.

- Тогда мы готовы идти, директор.

Дамблдор лишь поднял руку. — Один момент, Гарри. У меня есть условие: ты должен доверять мне решать, что раскрывать, или что ты соглашаешься не покидать замок без меня, пока не будешь в состоянии отражать мою атаку легилименции в течение как минимум десяти минут.

— Я все равно собирался остаться здесь на все лето, так что ты можешь просто рассказать мне все.

Дамблдор покачал головой. «Гарри, я имею в виду, что это соглашение будет действовать до тех пор, пока ты не овладеешь окклюменцией в достаточной степени или пока Том не будет побежден раз и навсегда. лишит вас привилегий Хогсмиды до тех пор, пока вы не сможете защитить секреты, о которых просите».

"Какая?!" Гарри почувствовал, как медальон впивается в его ладонь, когда его кулаки сжались.

— Это не какая-то игра, Гарри, — ответил Дамблдор, вставая на ноги с неумолимым лицом. «Если вы хотите получить привилегии, то вы должны понимать, что есть обязанности, которые сопровождают их. Вы не можете требовать одного и пренебрегать другим».

Гарри стиснул зубы и посмотрел на старшего волшебника. На Дамблдора это точно не подействовало, он просто стоял и ждал. "Отлично!" В конце концов, Гарри замолчал. «Если я не смогу понять окклюменцию до того, как снова начнутся занятия в школе, я откажусь от своих привилегий в Хогсмиде, пока не сделаю этого, но ты чертовски хорошо рассказываешь мне все, что знаешь».

Дамблдор склонил голову. "Очень хорошо. Тогда приходите в мой кабинет."

Дорога до кабинета директора была омрачена напряженной тишиной. Когда они вошли во владения Дамблдора, он направился прямо к стулу за столом и сел в него, выглядя совершенно непринужденно, как будто это было его планом с самого начала.

Гарри поднял пару стульев из читального уголка к столу. Заняв одно из сидений, он бросил взгляд на домового эльфа, все еще послушно стоявшего по стойке смирно. — Не хочешь присесть, Кричер?

Несмотря на то, что он видел, как Гарри левитировал над двумя стульями, старый эльф все еще, казалось, был застигнут врасплох. — Кричер будет стоять, молодой мастер.

— Хорошо. Не стесняйтесь садиться в любое время, если хотите, — согласился Гарри, пока не желая ни на что настаивать. Во всяком случае, не с Кикимером. Гарри перевел взгляд на

Дамблдора, ища любые признаки того, что его водили за нос. — С чего начнем, директор?

Дамблдор сцепил пальцы и посмотрел на Гарри в ответ. — Я хочу начать с ясности, Гарри: то, что мы собираемся обсудить, — это не факт, а догадки и предположения. Возможно, я не смогу ответить на все ваши вопросы, и на самом деле может оказаться, быть хорошей вещью, если я не могу, так как это может открыть новый путь исследования».

— Да, верно, — усмехнулся Гарри.

Дамблдор слегка нахмурился. «Как ни лестно то, что ты считаешь меня всеведущим, Гарри, это не так. Я пользуюсь доверием Тома не больше, чем ты, и, как и ты, я могу только пытаться разгадать его махинации, чтобы разгадать его намерения».

— Да, да, — проворчал Гарри. — Считаю, что твоя задница прикрыта. Что ты знаешь об этой штуке? Он поднял медальон, который принес им Кричер.

«Я полагаю, Гарри, что этот медальон может быть одной из причин того, что Том не умер в ту ночь, когда он оставил тебе твой самый знаменитый шрам».

Гарри моргнул, немного удивленный тем, что директор ответил так прямо; по крайней мере для него просто. «Хорошо. Тогда я понимаю, насколько важно его уничтожение для его убийства».

«В самом деле. То, что вы держите в руке, — это, если я не ошибаюсь, устройство, известное как крестраж».

Гарри почувствовал, как тяжесть этого неизвестного слова легла ему на плечи, как мантия. С огромным усилием он удержался от очевидного вопроса, решив посмотреть, что еще скажет Дамблдор, прежде чем он прервет его. Глаза Дамблдора скользнули по лицу Гарри, читая его так, как Гарри даже не хотел догадываться.

«Что же касается крестражей... ну, я бы предпочел, чтобы вы никогда об этом не знали. Крестражи — это самая темная магия, с которой я когда-либо сталкивался. Именно из-за них существует Смертельное проклятие».

"Какая?!" Гарри не был уверен, чего он ожидал, но это было не то.

Дамблдор только серьезно кивнул. «Я постараюсь дать вам общее представление, не вдаваясь слишком глубоко в этот вопрос. Крестраж — это сосуд, содержащий часть человеческой души. Пока сосуд не уничтожен без возможности восстановления, душа остается привязанной к этому миру и его владелец не умрет. Ритуал создания этой мерзости включает в себя убийство другого, чтобы сломать собственную душу».

— А как это работает? Гарри задумался. «Я следил за новостями прошлым летом, на всякий случай, я мог бы уловить намек на то, что делал Риддл. Есть тонны людей, убивающих друг друга по всему миру. Все ли их души сломаны?»

Дамблдор покачал головой. «Нет, это маловероятно. Я упоминал ранее, не так ли, что этот ритуал стал причиной изобретения Смертельного проклятия? Барти Крауч когда-нибудь объяснял тебе, что оно на самом деле означает?»

— Не совсем. Он просто сказал, что для этого нужна огромная ненависть и магическая сила.

«Совершенно верно. Что отличает Смертельное проклятие от других методов причинения смерти, Гарри, так это то, как оно это делает. к нему как к тому, на кого оно направлено. Проклятие вгрызается в душу заклинателя, отрывая кусок и используя его, чтобы выбить душу цели из ее брэнного дома. Такой ущерб душе, которая должна быть целой, требует значительной силы. При создании хоркрукса эта слеза используется в своих интересах. Заклинатель направляет оторванный фрагмент души в отдельный объект и запечатывает его там».

Слушая описание, Гарри почувствовал смутную тошноту. — Это... кто вообще придумал что-то подобное?

«Если исторические записи точны, а они могут быть и нет, то все, что у нас есть, это тот же человек, который первым вывел василиска».

— Очаровательно, — саркастически пробормотал Гарри.

— Вполне, — невозмутимо согласился Дамблдор. «Том, однако, мог быть более амбициозным».

"Что это должно означать?" — спросил Гарри, не уверенный, что хочет знать ответ.

Дамблдор вздохнул и потер лоб. «Я считаю, что Том, возможно, сделал более одного хоркрукса».

Гарри почувствовал, что стул выпал из-под него. «Сколько? Насколько он бессмертен?»

Директор уже качал головой. — Боюсь, я не знаю, Гарри. Я предполагаю, что это окажется арифмантически значимое число, но это может означать три, или семь, или тринадцать, или даже сорок два.

«Тогда как мы узнаем, что он покончил с собой навсегда?» Гарри отчаялся.

«Я знаю человека, с которым Том обсуждал концепцию хоркруксов по крайней мере однажды;

предшественник профессора Снейпа. Если мы сможем убедить его поделиться своими воспоминаниями об этом разговоре, есть шанс, что мы сможем узнать больше; между ними действительно возникли хоркруксы».

«Почему-то, даже несмотря на то, что ты уже говоришь, что это звучит как дальний план, это будет легче сказать, чем сделать, не так ли?» Гарри вздохнул, откинув голову на спинку стула и уставившись в потолок. — Откуда ты вообще знаешь, что Риддл говорил с этим парнем о хоркруксах?

«Ах, я уже получил воспоминание от человека, о котором идет речь. К сожалению, оно было довольно четко и грубо отредактировано».

"Вы можете сделать это?"

Дамблдор едва заметно ухмыльнулся. «Если человек достаточно опытен в окклюменции, можно сфабриковать воспоминание или его часть».

— Не надо втирать, — смущенно пробормотал Гарри. Встряхнув себя, он попытался найти прочную основу для своих мыслей. «Позвольте мне посмотреть, есть ли у меня это. Риддл создал объекты, которые делают его бессмертным, пока существует хотя бы один из них. Мы должны уничтожить эти объекты, несмотря на то, что понятия не имеем, что и где они находятся. накрой это?"

«Прекрасно, насколько нам удалось», — согласился Дамблдор, склонив голову.

«Так что это еще не все, и это плохие новости».

«Не все. Конечно, вы также должны знать, что уничтожение хоркрукса — непростая задача. Ритуал хоркрукса наделяет объект, на который он воздействует, определенной степенью защиты, что делает его чрезвычайно трудным для уничтожения, а уничтожение крестража невозможно. магических или мирских средств починить его — это единственный способ высвободить фрагмент души, который он удерживает, с этого плана существования».

— Значит, бросить эту штуку в огонь не получится?

«Возможно, да, если мы воспользуемся Fiendfyre, но это сопряжено со значительным риском», — согласился Дамблдор. «С другой стороны, огонь в моем очаге? Нет, этого недостаточно».

Гарри потребовалось время, чтобы обдумать это. — Вы сказали, что есть и хорошие новости?

«Так и есть. Побалуйте старика, поскольку он сдерживает свое обещание рассказать вам всю историю. Мне придется начать с того момента, когда я впервые понял, что Том вообще мог использовать крестражи».

Гарри закатил глаза. Должен был предвидеть это.

— Еще на втором курсе в Хогвартсе я впервые получил намек на то, что Том выбрал этот путь. В ту ночь, когда вы действительно спасли мисс Уизли. Тайной комнаты той ночью, но дневник Тома. Дневник, способный к независимому мышлению и даже обладанию».

«Эта штука была хоркруксом?!» — с отвращением воскликнул Гарри. Что-то еще пришло ему в голову почти в тот же момент. «С Джинни все в порядке после того, как она писала что-то подобное в течение года?»

— Твоя забота достойна восхищения, Гарри, — успокоил Дамблдор. «Целители святой Мунго заверили нас, что она не понесет долговременного вреда от самой одержимости».

— Хорошо, — выдохнул Гарри с облегчением. После того, что он только что узнал о хоркруксах, он не был до конца уверен, что с Джинни все в порядке, пока не увидит ее снова, но было приятно услышать, что она прошла медицинское освидетельствование.

«Подводя итог, после подтверждения, насколько я мог, что вы действительно обнаружили крестраж, я неизбежно пришел к выводу, что Том, должно быть, сделал больше, чем один год спустя. Вы рассказали нам о его продолжающемся существовании прошлым летом. что дело с Турниром; в частности, вы описали его использование тела гомункула. Это одна из немногих магий, равная хоркруксу в его темноте, или почти таковая. Для того, чтобы он перенес свою душу, то есть он удалил ее из одного тела войти в другое, не исчезнув, несмотря на то, что вы уничтожили его хоркрукс, означало, что должно быть что-то, связывающее его с этим планом».

«Сколько психотических ритуалов использовал Риддл?» — спросил Гарри, пытаясь изобразить легкомысленный сарказм, но в его голосе звучало беспокойство даже для его собственных ушей.

«Возможно, мы никогда не узнаем по-настоящему», — признал Дамблдор, пожав плечами. «В данный момент я хотел бы, чтобы вы сосредоточились на другом вопросе. Есть ли что-то в том, что я вам рассказал до сих пор, что бросается в глаза? Есть что-нибудь, что вселяет в вас надежду?»

Гарри на мгновение задумался. «Я не знаю, обязательно ли это дает мне надежду, но, по крайней мере, этого дневника больше нет».

— Именно так, Гарри. Молодец, — просиял Дамблдор. «Вы не только нашли крестраж, вы также нашли одно из немногих веществ, которые могут быть достаточно агрессивными, чтобы преодолевать присущую им защиту».

«Яд василиска? Значит, нам нужно отнести медальон в Комнату и проткнуть его клыком василиска?»

Дамблдор покачал головой и поднялся на ноги с помощью стола. «Не совсем. Есть довольно большой риск, связанный с обращением с этими клыками, риск, который стал ненужным из-за того, что ты принес что-то еще». Открыв шкаф, директор вытащил знакомый кусок серебра.

"Меч Гриффиндора!" Гарри выдохнул, прежде чем нахмуриться. «Подожди, а как это связано с ядом василиска?»

У Дамблдора вырвался смешок. — Я вижу, Гарри, что ты подвержен удручающе распространенной среди учеников Хогвартса привычке: засыпать на уроках профессора Биннса.

— Под общим ты имеешь в виду «всех, кроме Гермионы», — выдохнул Гарри.

"Возможно. Я постараюсь прояснить вам относительно того, что вы, возможно, упустили. Этот меч был выкован гоблинами. У них есть знания в области металлургии, которыми они до сих пор не соизволили поделиться с людьми. более долговечны, чем закаленная сталь, несмотря на то, что они сделаны из серебра, они никогда не потеряют своей остроты и, что наиболее важно для нашего обсуждения, они отталкивают все загрязнения и поглощают то, что их укрепляет».

«Он впитал яд василиска, когда я его проткнул?» — скептически спросил Гарри.

«Я так думаю, и теперь у нас есть метод, с помощью которого можно проверить эту гипотезу».

Гарри посмотрел на медальон, который все еще держал, а затем взглянул на Кикимера, прежде чем снова взглянуть на Дамблдора. — Есть что-нибудь еще, что я должен знать, прежде чем мы это сделаем?

Дамблдор на мгновение задумался. «Хотя я не думаю, что имеет большое значение, сделаю ли я это до того, как мы избавимся от хоркрукса в вашей руке, или после, я закончу рассказ. Как мы установили: с тех пор, как Сириус сообщил мне о снах, которые вы видели летом после На третьем курсе у меня были основания полагать, что Том мог создать более одного хоркрукса. С тех пор, как я получил это судьбоносное сообщение, я искал любые подсказки, которые могли бы сказать нам, сколько существует крестражей и где мы можем их найти. Я есть некоторые идеи, хотя я считаю, что их лучше приберечь для другого раза, поскольку у вас уже есть много новой информации для переваривания, а продолжающееся существование этого крестража призывает нас к действию здесь и сейчас».

Часом ранее Гарри мог бы потребовать полную историю. Теперь он не мог не чувствовать, что Дамблдор может быть прав. Кроме того, если у меня будет время все обдумать, я могу задать несколько вопросов о вещах, которые он здесь пропускает. — Хорошо. Кикимера снова пригласят?

— Если ты настаиваешь, — нейтрально согласился Дамблдор.

"Хорошо. Тогда давай избавимся от этой штуки. Ты хочешь, чтобы она была на столе или на земле?"

Дамблдор, казалось, на мгновение задумался. «Учитывая уровень разрушительной силы, которую мы надеемся применить, я бы предпочел, чтобы вы сейчас положили медальон на землю».

Гарри положил медальон к ногам Дамблдора и отступил на несколько шагов. "Потерпите".

Старый волшебник прикоснулся острием меча к медальону, очевидно оценивая его удар, прежде чем поднять лезвие над головой, встать на носки, а затем обрушить его на медальон, который выстрелил с громким звоном. Гарри покачал головой и направился туда, где остановился хоркрукс. — Думаю, вы ошибались, директор.

"Может быть, может быть, нет," размышлял старик.

Гарри скептически приподнял бровь. «Хорошо, но это выглядело довольно убедительно неубедительно».

Дамблдор какое-то время изучал Гарри поверх очков-полумесяцев. «Я подумал, что мы могли бы, возможно, рассмотреть функцию объекта».

— Что вы хотите этим сказать, сэр?

«Я понимаю, что они могут быть не такими популярными, как когда-то, но вы наверняка знаете, для чего обычно используются медальоны?»

"Утомительный?"

— Ну, и это тоже, — признал Дамблдор. «Те, кто предпочитает носить на своих ожерельях медальон, а не какую-либо другую вешалку, обычно делают это из-за воспоминаний, которые они хотят сохранить».

Гарри на мгновение задумался о драгоценности в своей руке. «То, что было в дневнике, называло себя воспоминанием, когда я писал в нем. Если вы пишете в дневнике... вы думаете, что нам нужно сначала открыть это».

"Именно так."

Гарри внимательнее посмотрел на медальон. — Я не вижу защелки на этой штуке, — пробормотал он, пытаясь схватить две половинки медальона и разъединить их. Он успел выронить его только тогда, когда его пальцы соскользнули с золота. Он присел, чтобы поднять

его обратно.

«Я полагаю, что мы не сможем открыть этот медальон физической силой, Гарри».

Гарри застыл в полуприседе, его рука покоилась на медальоне. Он намеренно встал. "Ты что-то знаешь."

«Это всего лишь подозрение относительно первоначального владельца этого медальона, которое мне еще предстоит подтвердить, кроме заявления бывшего владельца, который вполне мог в то время пытаться преувеличить свое величие», — уклончиво ответил Дамблдор.

«Думаю, я напишу в компанию «Шоколадная лягушка» письмо с предложением изменить вашу карточку, включив в число ваших увлечений «не доходить до сути».

Дамблдор только выглядел удивленным. «Если ты не научишься рассуждать о мыслях Тома, как бы ты продолжил, если бы со мной случилось какое-нибудь непредвиденное несчастье?»

Гарри закатил глаза на своего учителя. — Хорошо, что я пропустил?

«Внимательно посмотрите на медальон. Есть ли какая-нибудь опознавательная деталь, которая бросается в глаза?»

— Кроме того, что у него нет защелки? Гарри какое-то время изучал предмет. «У него большая буква S спереди».

— Действительно. А нет ли связи между Томом Риддлом и буквой S, которая приходит на ум?

— Слизерин? Думаешь, это принадлежало Салазару Слизерину, когда он был жив?

«Вполне возможно. Я знаю, что Тому так сказали в молодом возрасте, и я определенно верю, что он принял это заявление близко к сердцу».

— Ладно... как это нам поможет? — спросил Гарри.

Дамблдор приподнял кустистую бровь, и Гарри почувствовал, что только что разочаровал старика. «Подумайте о связях между Томом и Салазаром, и я верю, что путь придет к вам».

Связи между ними? Что ж, они семья, чистокровные фанатики, у них чрезмерно раздутое эго, если эта чертова статуя в Зале... — Парселтанг... ты думаешь, что запорный механизм здесь такой же, как и в Зале?

«Я полагаю, что это вполне вероятно», — согласился Дамблдор, излучая одобрение. «Я хотел бы предложить вам приказать медальону открыться на парселтанге, и я ударю его мечом».

— А если не откроется?

«Тогда потребуются дополнительные исследования», — казалось, Дамблдор совершенно не беспокоился. «У нас есть медальон, который уже является выигранной половиной битвы. Остальное придет со временем, и когда это произойдет, его можно будет немедленно применить к любому другому хоркруксу, который нам удастся найти».

Это... похоже на то, что сказала бы Гермиона. Ну, немного о том, что дальнейшие исследования являются ответом, несмотря ни на что, во всяком случае. "Хорошо тогда. Готов?" — спросил Гарри, снова кладя медальон на землю перед Дамблдором.

Директор на мгновение подготовился к удару. — Хочешь, Гарри?

Гарри сосредоточился на украшенной букве S и попытался представить, как она извивается, как змея. «□Открыть□».

С сухим щелчком медальон раскрылся. Дамблдор поднял меч в воздух, но отшатнулся, когда из медальона вырвалось темное облако. В облаке парила пара светящихся красных глаз. Привидение дало Гарри ощущение арктического ветра, проникающего в его разум и устремляющегося обратно. «Я видел твоё сердце, Альбус Дамблдор, и оно принадлежит мне!»

Гарри увидел, как окаменело лицо его учителя, не оставившего следа от веселого дедушки. Вместо этого стоял неумолимый волшебник, победивший последнего Темного Лорда и терроризировавший Европу. Дамблдор выпрямился, поднял меч и взмахнул.

«Поругана семьей, которая приковала тебя... ненавидима любовником, которого ты бросила... тобой, убившей твою...» Насмешки облака превратились в мучительный крик, когда Меч Гриффиндора прорезал его и врезался в медальон, который был его источником.

Крики продолжались, пока облако разрывалось, как дым на ветру, пока не осталось ничего, кроме тяжело дышащего старого волшебника и расплавленного куса потускневшего золота на полу перед ним. Внимание Гарри было отвлечено от сцены перед ним, когда он услышал хриплый всхлип и легкий удар рядом с собой.

«Хозяин Регулус, дело сделано. Хозяйская работа сделана», — тихо всхлипнул Кричер, опускаясь на колени на пол.

Гарри опустился на колени рядом со своим домашним эльфом, неловко поглаживая его по спине. Он одним глазом следил за своим директором, который, казалось, немного приходил в себя после того, что только что произошло.

— Ты не первый, кто использует этот трюк, Том, совсем не первый, — потрясенно пробормотал Дамблдор.

Гарри чувствовал, что ему предстоит пройти долгий путь, если такова была реакция его учителя. Он не ожидал, что крестраж будет активно атаковать их, но Дамблдор, похоже, воспринял это более или менее спокойно. "Это...?"

— Да, он уничтожен, — согласился Дамблдор, взмахнув мечом и бесстрастно наблюдая, как с лезвия отлетают несколько черных шариков... чего-то. «Плодотворный, хотя и неожиданный, рабочий день». Директор внимательно посмотрел на своего ученика. — Я понимаю, что у тебя еще могут быть вопросы ко мне по поводу всего этого дела, Гарри, и я не стал бы винить тебя за то, что ты испытываешь жгучее желание задать их. Однако я должен попросить, чтобы мы закончили нашу сессию здесь на сегодня. незначительная вещь, чтобы уничтожить хоркрукс».

— Да, кажется, я понял, — пробормотал Гарри. — А когда следующий «урок»?

«Мне нужно несколько дней, чтобы восстановиться. Мы можем продолжить это на выходных?»

— Конечно, — согласился Гарри. "Я буду держаться подальше от твоих волос до тех пор." Он помог Кикимеру подняться на ноги и повел его к двери.

— Минутку, Гарри. Не могли бы вы отдать Кикимеру приказ, о котором мы договорились, прежде чем начать?

Гарри удивленно моргнул. Я забыл об этом. Повернувшись к эльфу рядом с собой, он почувствовал, как его желудок виновато сжался. — Кричер?

"Да Мастер?" Кричер фыркнул в ответ.

— Я... извините, но мы обещали директору. Я приказываю вам никому не рассказывать о том, что вы сегодня здесь услышали, без разрешения профессора Дамблдора или меня, понятно?

"Да Мастер."

Гарри бросил взгляд на Дамблдора и получил в ответ одобрителный кивок. — Давай, Кричер. Пойдем, принесем тебе чашку молока или что-нибудь в этом роде, — пытался успокоить все еще явно расстроенного эльфа Гарри, ведя его из офиса, задаваясь вопросом, будет ли каждый шаг на пути к победе над Волдемортом это сюрреалистично.